

УДК 82.09+929

В. Л. Петрушенко
заведуючий кафедри філософії
Національного університету «Львівська політехніка»,
доктор філософських наук, професор

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКОГО

Философско-мировоззренческие идеи Д.С. Мережковского (1865–1941 гг.) очертить не так уж просто, поскольку собственно философских или религиозно-теологических работ, в которых он последовательно и всестороннее излагал бы свою позицию, у него нет [3, с. 721]. Тем не менее предприятие это нельзя считать совсем безнадежным, поскольку в его многочисленных публицистических, литературных, критических работах, статьях и очерках идеи такого плана заявлены с достаточной четкостью, хотя и не без разночтений. На сегодняшний день трудно назвать такое исследование, в котором достаточно полно и всесторонне излагались бы именно *философско-теологические* идеи Д.С. Мережковского. Знакомство с многочисленными публикациями, которые посвящены его творчеству, приводит к выводу, что интерес к его воззрениям относительно отдельных вопросов жизни и культурно-исторического процесса оставляет в тени общую картину его мировоззренческих представлений [18]. Однако зрелый Д.С. Мережковский – это религиозно-теологический мыслитель, ориентированный на православие, но никогда не замыкающий свой кругозор и свои религиозные воззрения только лишь тезисами ортодоксального православия. Напротив, иногда складывается впечатление о его достаточно критическом отношении к православию, особенно тогда, когда он сочувствует не только католикам и протестантам, но и язычникам: «Религиозное язычество есть не что иное, как непросветленное, неосознанное христианство, не пройденный путь ко Христу, откровение Отца, которое предшествует откровению Сына, Ветхий Завет, как чаяние Нового; религиозное язычество на своих предельных высших точках есть «христианство до Христа» [8, с. 138]. Говоря о язычниках и народовольцах, он не-

сколько неожиданно высказывал мысль о том, что в них истинного христианства может быть больше, чем, например, в позициях Ф.М. Достоевского или Е.Н. Трубецкого по некоторым религиозным вопросам [15]. Одну из центральных мыслей Д.С. Мережковского в этом вопросе можно передать его тезисом о том, что истинное христианство (православие) еще не состоялось, поскольку (его тезис – *В. П.*) оно должно было бы представлять собой неразрывное или даже слитное *единство мысли (знания) и дела, индивидуальной свободы и любви*. Почему это так? Что можно считать свидетельством такого положения дел? Д.С. Мережковский не без основания полагает, что еще никогда в реальной истории человечества не исполнялись в полной мере первейшие заповеди христианства – заповеди любви, всечеловеческого единства, добра и милосердия, не имеющие национальных или конфессиональных ограничений, не осуществлялся принцип *единства свободы и преданности Богу* и прочее. Когда, например, Ф.М. Достоевский провозглашал тезис о крайней необходимости для России овладеть Константинополем, затем – всей Европой и реализовать идею «Четвертого Рима» с центром именно в Константинополе, то Д.С. Мережковский считал это непростибельным отступлением не только от православия, но и от христианства вообще. Точно так же он подвергал острейшей критике известные суждения И.П. Шатова из романа «Бесы» о «народе-богоносце», интерпретируя их как попытку не из Бога выводить миссию некоторого народа, а напротив, из некоего народа выводить Бога. Когда Е.Н. Трубецкой настаивал на том, что без крепкой государственности не может быть никакого иного пути для движения в будущее, то Д.С. Мережковский точно так же уличал его в неправильном понимании

християнства [16, с. 94–101]. В «Открытом письме Н.А. Бердяеву» он так разъяснял свою позицию в этом вопросе: «Между государством и христианством для нас не может быть никакого соединения, никакого примирения: «христианское государство» – чудовищный абсурд. Христианство есть религия Богочеловечества; в основе всякой государственности заложена более или менее сознательная идея Человекобожества. Церковь – не старая, историческая, всегда подчиняемая государству или превращаемая в государство, а новая, вечная, истинная вселенская Церковь, – так же противоположна государству, как абсолютная истина противоположна абсолютной лжи, царство Божие – царству дьявола, теократия – демонократии» [10, с. 95–96].

Отношение религии или Церкви к государству, к политике для Д.С. Мережковского очерчивались однозначно в теократической и апокалиптической исторической перспективе. Подчинить религию государству или даже учредить их компромиссный союз для Д.С. Мережковского было равнозначным второму распятию Христа, поскольку царство Христово – не от мира сего, а государство в определенной степени является эпицентром и олицетворением сего мира: «Так называемая «христианская государственность» или «государственное христианство» есть не что иное, как поклонение Христа «князю мира сего». <...> Церковь только до тех пор жива и действенна, пока борется с государством, утверждая свою особую, внегосударственную и вненациональную, всечеловеческую правду, «царство Божие на земле, как на небе» [16, с. 97, 99].

Может ли оно, то есть истинное христианское сознание, сформироваться? В земных условиях, возможно, и нет. Это точно осуществится только после второго пришествия Христа, когда наступит эпоха Святого Духа и когда всякая плоть станет святой, когда объединятся и сольются воедино знание и дело, свобода и благоговение, личное и общественное [10, с. 103–104, 109–110; 11, с. 345].

Особо нужно отметить мысли Д.С. Мережковского об эсхатологии или об Апокалипсисе. Он придавал им настолько важное

значение, что отмечал: «Одно из двух: или Апокалипсис – ничто, и тогда все христианство – ничто. Или за исторической действительностью есть иная, высшая, не менее, а более реальная действительность апокалипсическая... И выйти из истории, из государственности – еще не значит погибнуть, перейти в ничтожество, а может быть, значит перейти из одного бытия в другое, из низшего измерения – в высшее, из плоскости исторической – в глубину апокалипсическую» [11, с. 349]. Понятие Апокалипсиса связывалось Д.С. Мережковским (как и В.С. Соловьевым) с вопросом о том, имеется ли какой-то смысл в человеческом существовании. Он был убежден в том, что так называемая «дурная бесконечность», то есть бесконечная незавершенность некоторого процесса, обесмысливает как такой процесс в целом, так и усилия его внутренних участников: «Ежели нет в человеческой жизни никакого определенного смысла, высшего, чем сама эта жизнь, то нет для человека на земле и никакой определенной цели, кроме реальной победы в реальной борьбе за существование» [6, с. 229]. С другой стороны (и Д.С. Мережковский неоднократно подчеркивал эту мысль, идя следом за Б. Паскалем и соглашаясь с Н.А. Бердяевым и Л.И. Шестовым), «начала и концы» бытия для человека закрыты, непознаваемы, вернее, они не могут быть познаваемы наукой. Потому разного рода идейные движения XIX века (позитивизм, социализм, марксизм, революционный демократизм и прочие) сознательно отказались от метафизики, как и от религии. Но то, что, по мнению Д.С. Мережковского, не доступно науке, оказывается корнем религиозного миропонимания, и именно через такое миропонимание открывается апокалипсическая и эсхатологическая перспектива мира и человека – перспектива *окончательного разрешения задач истории*.

Д.С. Мережковский был одним из авторов и поборников идеи «нового христианства», которую поддерживал, например, и Н.А. Бердяев [1; 2, с. 56–59]. Однако эта идея у Д.С. Мережковского имела некоторые особенные содержательные нюансы и повороты. Например, одним из «грехов» исторического христианства он считал *раз-*

рыв между созерцанием и делом, между любовью и свободой: «Созерцание без действия, молитва без подвига, великая литература без великой истории – это никому народу не прощается – не простилось и нам» [9, с. 414]. По его убеждению, историческое христианство культивировало созерцательность и любовь, предпочитая отвернуться от мира и плоти, в то время как и мир, и плоть были Богом поручены человеку для осуществления дела их возвышения, освящения, но не отсечения. Откровение Отца предполагало обращение к естественной мудрости, к языческой религии и философии. Откровение Сына предполагало возвышение души к духу, просветление через любовь. Будущее (грядущее) откровение Святого Духа, согласно Д.С. Мережковскому, должно стать разгадкой всей тайны и смысла истории и привести к единению всех откровений и всех тех составляющих человеческого бытия, без которых истинная жизнь (или просто жизнь) не возможна. Отсюда следует отчетливое противопоставление Д.С. Мережковским христианства историческому христианству апокалипсическому. «Так было и так будет, – утверждает он по поводу реального стремления государственности перерасти в религию и святыню, – пока историческое христианство не сделается апокалипсическим, пока оно не перейдет от метафизики раздвоения к метафизике соединения...» [15, с. 68–69]. В работе о Ф.М. Достоевском идея «Третьего откровения» получила одну из наиболее четких и развернутых формулировок: «За христианством, за Новым Заветом – Апокалипсис, Грядущий, Третий Завет, откровение Третьей Ипостаси Божеской – религии Святого Духа. Неразрешимое противоречие земного и небесного, плотского и духовного, Отчего и Сынового – таков предел христианства, только христианства. Окончательное разрешение этого противоречия, последнее соединение Отца и Сына в Духе – таков предел Апокалипсиса. Откровение Святого Духа – святая плоть, святая земля, святая общественность – теократия, церковь как царство, не только небесное, но и земное, исполнение апокалипсического чаяния, связанного с чаянием евангельским...» [11, с. 345].

Стоит обратить внимание на некоторые аргументы Д.С. Мережковского для подкрепления им идеи о «Третьем откровении» (третьей эпохе, третьем Эоне и так далее). С одной стороны, он убежден в том, что история должна быть завершена, и что ее главные проблемы и вопросы должны получить окончательное разрешение. С другой стороны, он, например, не приемлет мысли о вечном осуждении грешников, которое возвестил Христос. Д.С. Мережковский выдвигает предположение о том, что, возможно, «осуждение, вечное в Эоне Второй Ипостаси, не вечно в вечности Ипостаси Третьей – в Эоне Духа?» [10, с. 103]. Кроме того (с третьей стороны), уход исторического христианства от активного участия в делах земных Д.С. Мережковский считал оправданным только временными историческими обстоятельствами, связанными с естественной потребностью преодолеть привязанность человека к земному, вещественному, природному. Бог создал человека как единство души и тела, и это единство человеком должно быть оправдано, а не преодолено. Невозможно также, по мнению Д.С. Мережковского, отказаться от завоеваний культуры и человеческого разума: грядущее «апокалипсическое христианство» должно собрать и соединить все богатства, добытые в истории человечества.

Нужно также обратить внимание на самую тесную связь апокалипсических воззрений Д.С. Мережковского с его взглядами на плоть и на пол, выраженными в ряде его работ, особенно в работах «Толстой и Достоевский» (Л.Н. Толстой – вещей «тайновидец плоти», Ф.М. Достоевский – «тайновидец духа» [18, с. 65]), «Тайна Трех. Египет и Вавилон». Многие исследователи отмечают очевидное влияние взглядов В.В. Розанова в вопросе о сущности и значения пола в человеческой жизни на Д.С. Мережковского, особенно акцентирования им того, что *пол захватывает все человеческое существо*, а не его внешние особенности, что тайна пола уводит человека в некоторый мистический мрак [3, с. 721, 725]. Суть взглядов Д.С. Мережковского на пол заключается в попытке мыслителя избежать неоправданной односторонности как *аскетизма*, так и *гедонизма*, проявляемых, по его мнению,

в историческом христианстве и в античном мире. Размышляя в русле некоторых древних учений (например, Святого Максима Исповедника), Д.С. Мережковский считал разделение полов необходимым элементом всечеловеческого исторического опыта, ведущего через раздельность к единству. Язычество с его приверженностью телесному, плотскому исторически замещается христианством с его тенденцией к освящению духа и аскетизму, однако обе исторические позиции объединяет односторонность, приобретающая зачастую радикальный характер проявлений. Именно пол и плоть становятся для исторического христианства тем, что оно должно преодолевать. Однако в апокалипсической перспективе, как уже отмечалось, всякое разделение должно быть преодолено (Д.С. Мережковский даже употребляет термин «божественный гермафродитизм»), плоть и пол освящены и оправданы [3, с. 391–396]. Пытаясь осмыслить возможные способы и формы такого преодоления, Д.С. Мережковский обращался к историческому опыту человечества и, в частности, к сопоставлению с христианством духовно-религиозной культуры и практики Древнего Египта («Тайна Трех. Египет и Вавилон»). Бессмертие, по мнению Д.С. Мережковского, понималось в Древнем Египте не как устранение смерти, а как ее преодоление через воскрешение (воскресение). В этом же усматривал он и глубинные пласты христианства, полагая, что историческое христианство в надлежащей степени не поняло метафизической, трансцендентной сущности пола и плоти. Их не следует устранять, поскольку человеку заповедано в половом различии мужчины и женщины «быть одной плотью». Однако плоть подвержена смерти. Значит, сокровенная сущность бессмертия связана с восстановлением плоти через ее одухотворение и преображение. Пол оказывается, согласно Д.С. Мережковскому, едва ли не единственным окном из этого мира в мир трансцендентный, формой приобщения человека к тайнам запредельного мира через осмысление сути плотского и полового различия.

Человек имеет иной модус бессмертия и иной модус приобщения к вечности, неже-

ли, например, ангелы небесные. После грехопадения он оказывается вне того мира, который был ему дарован изначально. И эта утрата произошла именно через половую связь. Смерть как следствие грехопадения в свою очередь выводит душу за пределы того испорченного мира, который образовался после грехопадения. Однако душа, сбрасывающая отягощенное грехом тело, поскольку это есть человеческая душа, не может оказаться вообще вне тела. Казалось бы, вереница бесконечных человеческих новорождений должна стать залогом бессмертия. Однако продолжение рода через рождение, которое большинству людей кажется преодолением смерти (отдельного индивида в роде), от смерти не избавляет, но показывает человеку, что такое бессмертие является исключительно мнимым. Очерчивается острейшая дилемма: человек не может избежать смерти именно вследствие того, что он встал на путь половых отношений, отдавшись плотскости, однако одновременно он не может прикоснуться к бессмертию и вне пола и телесности. Согласно Д.С. Мережковскому завет Отца – быть одной плотью – отвергается христианской борьбой с плотью (завет Сына); отсюда неотвратимо следует необходимость третьего Завета, который логически должен синтезировать обе предыдущие эпохи – стадии человеческого осуществления своей вселенской миссии – и преобразить плоть и пол путем реального достижения человеком мира трансцендентной истины бытия: «Будут два одна плоть» – будут, но еще не суть в любви рождающей, смертной, ибо умирает все, что рождается; будут – в любви бессмертной, воскрешающей» [14]. Д.С. Мережковский намечает два варианта такого слияния и освящения пола и плоти (выход за пределы пола в некоторую «сверхсексуальность» и преображение пола с сохранением «следов» половых различий), однако не останавливается на каком-то одном из них.

Сущность основной линии размышлений Д.С. Мережковского можно очертить так. Плоть противостоит духу, и поэтому, как часто представляется (особенно в христианском благочестии), духовная полнота и чистота требует преодоления плоти, умерщ-

вления и покорения ее. Однако именно это фактически ведет к отказу от сложного и мучительного проникновения в сущность человека и его вселенскую миссию. Задача заключается в том, чтобы постичь пол как то, что выше, сложнее, значительнее плоти (телесности). В.В. Розанов утверждает, что «не пол в теле, но тело в поле». Без внимания к сущности пола проблема соотношения плоти и духа не может быть осмыслена с надлежащей глубиной и тщательностью. Пол предзадан человеку как указатель пути к бессмертию не бесплотному, но в единстве духа и плоти. Понимание роли полового единения, но не единения, дающего смертное рождение, а такого единения, которое открывает «окно» в мир трансцендентный, которое как бы ставит человека перед сверхзадачей преодолеть смерть не в бесконечных физических рождениях, а через преодоление силы полового различия путем возвышения и пола, и плоти, – вот то сакральное, трансцендентное и метафизическое понимание роли пола, которое силится провести и отстоять Д.С. Мережковский. По сути, речь идет о глубоко онтологическом понимании пола и полового различия: то разделение (а вместе с ним – вражда, раздор), которое входит в этот мир вместе с его материальным началом (материя в европейской философии традиционно рассматривается как начало разделения и распада), в половом различии оказывается непреодолимым стремлением мужчины и женщины друг к другу, потому основание пола – это сверхвременная мировая задача – задача преодоления вражды и распада, задача реализации всеединства.

В таком углубленном понимании пола Д.С. Мережковский не только ссылается на суждения В.С. Соловьева о смысле половой любви, обращается к работам В.В. Розанова, но и использует всякие, даже малейшие намеки в истории духовной культуры на такие места, где пол оказывается преодолевающим сугубо плотские свои проявления. В романе «14 декабря» Д.С. Мережковский использует найденный им факт того, что в арамейском языке дух именуется в женском роде, считая, что тут проблескивает истина принципиального единства «верха» и «низа», мужского и женского, плоти

и духа. Получается, что последовательно идя «вниз», мы окажемся, в конце концов, «вверху», как и наоборот. Апокалипсическое завершение истории Д.С. Мережковский именуется как эпоху Духа, но также и как победу «Вечной Женственности». «Россию спасет Мать!» – такова заключительная строка романа [17, с. 258]. Еще более отчетливо и настойчиво звучат эти мотивы в известной работе Д.С. Мережковского «Тайна Трех. Египет и Вавилон». Следует отметить, что позже Д.С. Мережковский считал своей ошибкой максимальное сближение суждений о тождестве «верха» и «низа» с имморализмом Ф. Ницше – стремлением выйти за все и всякие метафизические и моральные разграничения.

Следующая важная мысль Д.С. Мережковского касается того, что в глубинах всякого реального общественного движения (или процесса) лежит метафизическая, а по сути – религиозная основа: «Физическое насилие только предлог для какого-то метафизического утверждения» [5, с. 103]. Поскольку это так, то он склонен был называть религией позитивизм, марксизм, социализм и даже терроризм. Во всех такого рода общественных идеях философ склонен был усматривать внутреннее мощнейшее стремление к возведению в высший ранг идею ничем не ограниченной личности, а христианство Д.С. Мережковский, в духе В.С. Соловьева, считал религией Абсолютно Совершенной Личности. Именно поэтому он усматривал присутствие религиозного момента во всех проявлениях стремлений к совершенной личности или к тому, что этому реально способствует: «Откровение абсолютной личности, откровение Христа совершается во всех делах человеческих; но сейчас, в России, больше, чем во всем остальном – в русском освобождении, которое ведь и есть не что иное, как освобождение, восстановление абсолютной личности в поработанном и поруганном лице народа» [8, с. 144]. В чем-то соглашаясь с обвинениями в адрес Л.Н. Толстого по поводу его отступлений от христианской ортодоксии, Д.С. Мережковский в то же время подчеркивал, что реально Л.Н. Толстой в каких-то моментах оказывался ближе к сути и духу христианства, чем некоторые

его критики и гонители. Примерно то же самое он высказывал и в адрес М.Ю. Лермонтова: да, поэтом двигали в том числе и злые, демонические силы, но его прозрения относительно корня зла, его самоизоляция от обыденности, его страдания, связанные с ощущением своей особенности, своей необычности, – все это философ считал проблемами истинного света – света истины – в творчестве поэта.

Эти суждения Д.С. Мережковского базировались на более общем его понимании роли религии в общественной истории и в самом бытии человека как личности. Он писал: «Религия народа – не случайность... И даже если допустить, что причины зарождения той или иной религии у того или другого народа случайны, то следствия ее жизни в народе неоспоримы. Религия – часть крови и плоти народной; она делает его таким или другим, подводит или отводит от культуры, бросает его в культуру, разгорается или гаснет сама от прикосновения культуры. Религия до сих пор делала народы, давала им силу или отнимала ее... Таково *вечное* свойство человеческой души, человеческого существа. В душе есть *место для Бога*, как в теле – место для пищи» (везде курсив Д.С. Мережковского – *В. П.*) [13, с. 85–86]. Д.С. Мережковский ставит вопрос, почему христианская Византия пала под ударами язычников (так философ называет мусульман, как и японцев с их религией синтоизма), почему этот народ не выполнил своей высочайшей в отношении к христианству с его заповедями миссии. Причину такого трагического хода истории Д.С. Мережковский усматривал в том, что в культуре Византии сущность христианства была усвоена неполно, как неполным, по его мнению, предстает и христианство в христианском сознании российского народа на тот момент, когда ученый высказывал и отстаивал свои философско-религиозные взгляды. С его точки зрения, византийское исповедание христианства сосредоточилось и замкнулось лишь на одной ипостаси Святой Троицы – на Христе, в то время как, по убеждению Д.С. Мережковского, Христос должен был бы вести человека, народ и культуру через Сына к Отцу и к Святому Духу. Ученый писал: «Силу первобытной,

варварской, языческой крепости <...> можно побеждать лишь последней силой последней религии – *религии Троицы*, религии всеобъемлющей, не только созерцательной, но и *действенной*, принимающей в себя всю настоящую и будущую человеческую культуру, все откровения и знания, соединяющей в себе «разум – волю – чувство», как соединены в человеке «дух – душа – плоть» [13, с. 86]. Отметим здесь совпадение в понимании Святой Троицы у Д.С. Мережковского и В.С. Соловьева, который также трактовал ее через единство основных составляющих души в древних представлениях, уходящих корнями в мифологию и хорошо известных по работам Платона (душа растительная, чувствующая и разумная). Однако особенностью Д.С. Мережковского было еще и некоторое сближение его позиции с известными тезисами богомильской ереси и суждениями Иоахима Флорского, которые разводили как функции лиц Святой Троицы, так и исторические эпохи их проявлений: Бог-Отец начинал историю мира и человечества, представши прежде всего в качестве Творца, Сын Божий выступал олицетворением совершеннейшей человеческой личности и характеризовал эпоху благодати, а после второго пришествия Христа должна наступить эпоха Святого Духа, в которой все лица Святой Троицы обретали прямое и полное единство и свое адекватное проявление. Н.А. Бердяев в этом плане отмечал, что Д.С. Мережковский рассматривает единство лиц Святой Троицы в апокалиптической перспективе [10, с. 94].

Особое место в суждениях Д.С. Мережковского принадлежит так называемой концепции «*грядущего Хама*» – концепции все большего и более заметного господства в общественной жизни и в культуре человечества посредственности, мещанства, чего-то среднего, зараженного или воодушевленного стремлением к покою, достатку, удобному устройению в жизни. По его мнению, в Европе победил не Великий Инквизитор, изменивший Христу, а дух середины – пошлости, посредственности, успокоенности на том, что доступно массе, что серо и невыразительно. Высокие взлеты духа, на которых основывалось предше-

ствующее культурное творчество, теперь в Европе не возможны. Д.С. Мережковский даже ставит в укор современному религиозному движению то, что оно лишено священного безумия и изуверства, свойственного всем истинным, по его мнению, прозрениям и жизненным утверждениям высшего плана [8, с. 135]. Сумерки Европы – это потеря потенции и интереса к высокому, спеленатому страданием и неистовыми прозрениями. Отметим, что эти суждения Д.С. Мережковского опередили некоторые идеи О. Шпенглера. В частности, Д.С. Мережковский пишет: «Пошлость толпы – «утилитаризм», дух корысти, тем и опасен, что из низших проникают в высшие области человеческого созерцания: в нравственность, в философию, религию, поэзию, – и здесь все отравляют, принижают до своего уровня, превращают в корысть, в умеренную и полезную добродетель, в печной горшок, в благотворительную раздачу хлеба голодным для успокоения буржуазной совести» [12, с. 181]. «Не страшно, – продолжает он, – когда малые довольны малым; но когда великие жертвуют своим величием в угоду малым – страшно за будущность человеческого духа» [12, с. 181].

В литературе бытовало и бытует мнение о том, что пошлостью и хамством Д.С. Мережковский характеризует социалистическое движение; недаром известная книга «Грядущий Хам» была издана в 1906 г., после того, как стали обозримыми все события и последствия социальных бунтов в России 1905 г. Однако вряд ли мы можем проигнорировать тот факт, что «метафизикой пошлости и середины» Д.С. Мережковский обозначает и позитивизм, и мещанство, и даже «политес» современных для того времени писателей, таких как А. Франс и Ж. Жорес. Сущность пошлости и хамства, согласно Д.С. Мережковскому, заключается в сознательном или бессознательном отказе от стремления к безусловному, высшему, метафизическому в угоду обыденности, обычному и физическому: «Конец и начало мира непознаваемы; только середина – мир явлений – доступна познанию, чувственному опыту, а следовательно, и реальна. Единственное и окончательное мерило для оценки всего есть прочность, основательность,

«позитивность» этого чувственного опыта, то есть обыкновенной, «здоровой – средней человеческой чувственности». Эта «вечная середина», «ни то, ни се» – совершенная пошлость» [6, с. 228]. Удобство, посредственность, массовость, покой и жизненная стабильность – вот, по мнению Д.С. Мережковского, идеалы и устремления хамства; стремление к равенству, к минимализму, к массовой усредненной справедливости Д.С. Мережковский называет «самым пронырливым и современным из бесов» [12, с. 210]. Не сложно усмотреть в этих тезисах писателя и мыслителя сходство с некоторыми идеями Ф. Ницше, А. Бергсона и вообще с теми характеристиками, которыми несколько позже стали обозначать явление неклассичности в философии и культуре второй половины XIX – в начале XX века.

Несколько спорадическими и лапидарными являются собственно *философские идеи* Д.С. Мережковского, которые почти не занимают самостоятельного положения в его мировоззренческих и религиозно-теологических взглядах. Можно утверждать, что из всех составляющих философского знания на первый план он выводил гносеологию: «Современнейшая из всех наук, можно сказать, источник всей нашей современности – гносеология, ставящая вопрос о возможности религиозного опыта, религиозного видения, *гнозиса*» [7, с. 418]. Свое понимание гносеологии как науки, ведущей к религиозному и метафизическому опыту постижения мира, Д.С. Мережковский противопоставляет распространенному в его время феноменализму, апеллирующему к И. Канту: «Все философские и религиозные чаяния прошлых веков, все их порывы к безначальному и бесконечному, сверхчувственному – суть, по кантовскому определению, только «метафизические» и «теологические» бредни, «вольнодумные химеры юности» [6, с. 228]. Согласно Д.С. Мережковскому имеется три вида познания: 1) эмпирическое познание, целиком подчиненное в итоге науке; 2) рациональное, разумное познание, в котором разум накладывает на реальность свои формы, принципы и основоположения; 3) религиозное (оно же – мистическое, метафизическое познание, или *гнозис*).

Современная Д.С. Мережковскому культура и философия, исповедуя принцип «середины и пошлости», все дальше уходили от третьего вида познания и даже проповедовали скепсис в отношении второго – скепсис в виде феноменализма, минимализма и исповедания принципа «пошлой середины».

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть то, что мировоззрение Д.С. Мережковского представало в значительной степени как религиозно-теологическое, сильно окрашенное и скорректированное его приверженностью идеям «нового христианства», которое у него органически переплеталось с идеями эсхатологии (Апокалипсиса) и грядущей эпохи «Третьего Эона», то есть эпохи Святого Духа. Можно также добавить то, что большинство этих идей Д.С. Мережковского было погружено в аналитику конкретных духовных, исторических, культурных, литературных реалий своего времени (З.Н. Гиппиус подчеркивала, что невозможно себе представить Д.С. Мережковского вне культурно-исторического процесса), а также снабжено прекрасной стилистикой, непогрешимой художественной интуицией, остротой, пронизательностью мысли и филигранной отделкой форм ее выражения.

Литература

1. Воронцова И. Д.С. Мережковский. Учение о «новом религиозном сознании» как вариант религиозного гнозиса / И. Воронцова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pstgu.ru/dawnload/1237287722.voroncova.pdf>.
2. Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. / В.В. Зеньковский ; сост., предисл. и коммент. А.В. Полякова. – Л. : Эго, 1991. – Т. 2. – Ч. 2. – 1991. – 270 с.
3. Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения / С.А. Левицкий ; вступ. статья, сост. и коммент. В.В. Сапова. – М. : Астрель, 2008. – 992 с.
4. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский ; пер. с англ. – М. : Советский писатель, 1991. – 480 с.
5. Мережковский Д.С. Бес или Бог? / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 102–107.
6. Мережковский Д.С. Гоголь и черт (Исследование) / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 213–309.
7. Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом

омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 416–482.

8. Мережковский Д.С. Лев Толстой и церковь / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 134–139.

9. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 378–415.

10. Мережковский Д.С. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Больная Россия / Д.С. Мережковский ; авт. предисл. и послесл., сост. докт. филос. наук С.Н. Савельев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 91–110.

11. Мережковский Д.С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 310–349.

12. Мережковский Д.С. Пушкин / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 136–212.

13. Мережковский Д.С. Св. София / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Больная Россия / Д.С. Мережковский ; авт. предисл. и послесл., сост. докт. филос. наук С.Н. Савельев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 79–90.

14. Мережковский Д.С. Тайна Трех. Египет и Вавилон / Д.С. Мережковский // Тайна двух в Озирисе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/168739/reed>.

15. Мережковский Д.С. Теперь или никогда / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Больная Россия / Д.С. Мережковский ; авт. предисл. и послесл., сост. докт. филос. наук С.Н. Савельев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 46–72.

16. Мережковский Д.С. Христианство и государство / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский ; сост. Е.А. Данилова. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 94–101.

17. Мережковский Д.С. Царство Зверя. Трилогия. 14 декабря / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Собрание сочинений в четырех томах / Д.С. Мережковский ; ред. : Е.Н. Любимова. – М. : Правда, 1990. – Т. IV. – 1990. – С. 3–258.

18. Холиков А. Дмитрий Мережковский: из жизни до эмиграции: 1865–1919 / А. Холиков. – СПб. : Алетей, 2010. – 151 с.

Аннотация

Петрушенко В. Л. К характеристике философско-теологических воззрений Дмитрия Сергеевича Мережковского. – Статья.

В статье, подготовленной к 150-летию со дня рождения Д.С. Мережковского, дается обзор и анализ его основных мировоззренческих идей и убеждений. Отмечается, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, специально посвященные этому вопросу. В статье в основном анализируются такие работы мыс-

лителя, которые дают возможность решить поставленную задачу. При этом акцент делается на неординарных идеях писателя и мыслителя, в частности, на его понимании сущности и исторической миссии христианства, места в нем проблем телесности и пола, на идее «Третьего Завета», игравшей существенную роль в так называемом «новом христианстве» Д.С. Мережковско-го, на его понимании решающего значения Апокалипсиса как для самого христианства, так и для решения вопроса о бессмертии.

Ключевые слова: истинное христианское сознание, Апокалипсис, эпоха Третьего Завета, «пошлость среднего».

Анотація

Петрушенко В. Л. До характеристики філософсько-теологічних поглядів Дмитра Сергійовича Мережковського. – Стаття.

У статті, написаній до 150-річчя з дня народження Д.С. Мережковського, подається огляд та аналіз його основних світоглядних ідей і переконань. Відзначено, що на сьогодні відсутні дослідження, спеціально присвячені цьому питанню. У статті аналізуються переважно ті праці мислителя, які дають змогу вирішити поставлене завдання. При цьому наголошується на неординарних ідеях письменника й мислителя, зокрема, на його розумінні сутності й історичної місії християнства, місця в ньому проблем телесності та статі, на ідеї «Третього Заповіту», що відігравав суттєву роль у так

званому «новому християнстві» Д.С. Мережковського, на його розумінні вирішального значення Апокаліпсису як для самого християнства, так і для вирішення питання про безсмертя.

Ключові слова: істинна християнська свідомість, Апокаліпсис, епоха Третього Заповіту, «сірість середнього».

Summary

Petrushenka V. L. On the characterization of the philosophical and theological views Dmitry Sergeevich Merezhkovsky. – Article.

In a paper, prepared for the 150-th anniversary of D.S. Merezhkovsky, provides an overview and analysis of its main philosophical ideas and beliefs. It is noted that today no studies specifically devoted to this issue. The paper mainly analyzes the work of such thinkers that make it possible to solve the problem. With emphasis on the extraordinary ideas of the writer and thinker, in particular, on his understanding of the nature and the historical mission of Christianity's place in it the problems of corporeality and gender, on the idea of the «Third Testament», which played a significant role in the so-called «new Christianity» D.S. Merezhkovsky on his understanding of the crucial importance of the Apocalypse for Christianity itself, and for the solution of the question of immortality.

Key words: true Christian consciousness, Apocalypse, era of the Third Testament, «average mediocrity».